

А-Хуан бежал всю дорогу, надрывно лая, и увязался за толпой детей на несколько улиц. Он уже почти добрался до центра города, когда вдруг обнаружил, что среди людей нет его маленького хозяина. Как же так вышло? Собачий мозг никак не мог этого сообразить, и пес замер на месте. Дети, конечно же, не стали его ждать и в мгновение ока скрылись из виду.

А-Хуан утробно заурчал в горле, оглянулся в сторону, откуда прибежал, потом в ту сторону, куда ушли дети, помялся немного и всё же решил повернуть назад. Только тогда он заметил, что эти места ему совершенно незнакомы — судя по всему, он никогда раньше здесь не бывал. А-Хуан пару раз тявкнул, будто бы пытаясь набраться храбрости, переставил лапки и поплелся обратно.

Пройдя три улицы, А-Хуан все-таки сбился с прежнего пути и свернул на другую улочку. Вероятно, все жители отправились смотреть на состязания двух семей, так что здесь не было ни души — царило необыкновенное, зловещее запустение. А-Хуан тоже почувствовал неладное: понюхал воздух маленьким носом влево, вправо и наконец понял, что идет не в ту сторону. Он уже собирался развернуться, как вдруг прямо перед его глазами возникла пара черных матерчатых туфель.

— Ав!

— Ав!

А-Хуан задрал голову и увидел перед собой странного человека в бирюзовой конической шляпе и черных одеждах с головы до ног. Из-за его появления пустота на улице стала еще более давящей. А-Хуан очень рассердился и воинственно затыкал на лицо, скрытое под шляпой:

— Ав!

— Ав!

Из-под шляпы донесся легкий смешок. Человек в черном присел на корточки и медленно протянул руку, собираясь погладить А-Хуана по голове. Пес хотел увернуться, но какой-то странный голос в сердце подсказал ему, что уклониться не получится. Пока он ломал над этим голову, рука незнакомца уже легла ему на макушку.

А-Хуан сильно разозлился, изо всех сил мотнул головой и выскользнул из-под чужой ладони. Похоже, это была врожденная способность: с самого первого взгляда на незнакомца А-Хуан почувствовал к нему глубочайшую антипатию. Человек в черном ничуть не рассердился, а напротив, улыбнулся:

— Какая у тебя забавная собаченция, куда искреннее людей в этом мире, обуреваемых жадностью.

С этими словами незнакомец посмотрел в сторону центра города и произнес:

— Неужели власть и положение и вправду так важны?

Его голос звучал тихо и призрачно — казалось, он спрашивал не то А-Хуана, не то самого себя.

— Ав!

— Ав!

Человек в черном внезапно исчез так же внезапно, как и появился. А-Хуан оглядел пустую улицу, гадая, не почудилось ли ему всё это только что? Тряхнув собачьей головой, пес решил не ломать над этим голову и быстрой рысью побежал прочь с этой улицы.

Потратив немало собачьих сил, А-Хуан наконец увидел знакомую хижину, когда солнце уже стояло в самом зените. Счастливый А-Хуан перебирал лапками и бросился к домику, радостно тявкая:

— Ав!

— Ав!

Едва переступив порог, А-Хуан увидел, как Чжэн Фэн сорвался с дощатой кровати и с грохотом рухнул на пол. При этом Чжэн Фэн не издал ни звука, лишь свернулся калачиком, словно терзаемый невыносимой болью.

А-Хуан тут же подбежал к маленькому хозяину. Видя, как исказилось лицо Чжэн Фэна и приняло безумный вид, пес отчаянно затыкал, надеясь, что хозяин услышит его зов и откроет глаза. Но Чжэн Фэн лишь еще сильнее сжался в комок, а мускулы на его лице продолжали безостановочно корчиться и деформироваться, совершенно не обращая внимания на собачий лай.

Сейчас Чжэн Фэн чувствовал себя так, будто оказался внутри огромного черного водоворота. Силы со всех четырех сторон терзали его тело, норовя разорвать на миллионы кусочков, и этого было бы уже с лихвой. Однако в самую сердцевину вихря врывался пронзительный, режущий слух визг. Как бы плотно он ни затыкал уши, этот звук отчетливо проникал в его сознание, словно острое лезвие, пилившее грудь взад и вперед, отчего жить не хотелось.

И на беду, он никак не мог умереть. Это состояние началось вскоре после того, как он принял Эликсир Пробуждения, и продолжалось уже до самого полудня. Всего за полдня Чжэн Фэну показалось, будто прошло несколько долгих лет. Эта боль давно превзошла пределы выносливости одиннадцатилетнего ребенка: сначала он жалел, что вообще выпил этот Эликсир Пробуждения, а потом уже ни о чем не думал, желая лишь поскорее умереть, потому что выносить это было уже невозможно.

Он-то сдался, но его тело — нет. Боль набегала подобно волнам при извержении подводного вулкана — она затопляла всё вокруг, уничтожая всё на своем пути. Однако тело Чжэн Фэна

напоминало прибрежную скалу: как ни колоти ее чудовищная мощь, а когда волны схлынут, он всё так же останется стоять на месте.

«Мучительная казнь» — пожалуй, это точнее всего описывало состояние Чжэн Фэна в ту минуту.

Видя, что добудиться хозяина не удастся, А-Хуан попытался подтолкнуть его носом. Но едва коснувшись Чжэн Фэна, пес тут же отпрянул назад: тело Чжэн Фэна сейчас походило на раскаленный вулкан. Оглядев одежду на мальчике, А-Хуан заметил, что она и впрямь начала постепенно желтеть от жара и испарений.

Встревоженный А-Хуан забегал вокруг Чжэн Фэна, оглашая комнату непрерывным лаем, а затем пулей вылетел из хижины. В мгновение ока он добежал до дома Юнь Ма, но дверь оказалась заперта на замок. А-Хуан отчаянно затыкал, но никто не отозвался, и тогда он бросился к другому дому, однако результат повторился.

Бедняки добывают пропитание тяжелым трудом, и в Городе Цаомао основным источником доходов для них служат лекарственные травы с Горы Дахэй. Уходя туда, люди пропадали целыми днями, а те редкие счастливые, что оставались дома, сегодня отправились к месту проведения поединков. Можно было винить лишь злосчастную удачу Чжэн Фэна: не будь ее, А-Хуан, не найдя Юнь Ма, непременно привел бы кого-нибудь из соседей.

Не сумев никого отыскать, А-Хуан прибежал обратно и опустился перед Чжэн Фэном, тяжело и часто дыша. Переведя дух, он принялся маленьким язычком облизывать пылающие щеки Чжэн Фэна, пытаясь остудить его. Но тело Чжэн Фэна было до того горячим, что после каждого трех-четырёх лизаний А-Хуану приходилось останавливаться, чтобы остудить язык. Почувствовав себя лучше, он снова делал три-четыре движения, повторяя это снова и снова, не покидая хозяина ни на миг.

Так они и провели весь день — человек и собака. А-Хуан всё переживал, что маленький хозяин не выдержит и умрет, но Чжэн Фэн казался на редкость боевитым: за весь день у него не наблюдалось признаков угасания жизни, он по-прежнему лишь сжимался в комок. Ближе к закату выражение лица Чжэн Фэна вроде бы немного смягчилось — по крайней мере, мышцы больше не сводило пугающими судорогами.

В этот момент за дверью послышался громкий голос:

— Сяо Фэн, как жаль, что ты сегодня не пошел! Младшее поколение семьи Дин нынче показало себя неплохо, но у семьи Гань объявился некий монстрик по имени Гань Ву...

Излишне говорить, что этим гостем оказался Чжан Дало. Едва договорив на ходу, он переступил порог, но стоило ему бросить взгляд на лежащего на полу Чжэн Фэна, как слова застряли у него в горле. Он торопливо бросился к мальчику:

— Сяо Фэн, что с тобой?!

При этом он протянул руку, чтобы поддержать Чжэн Фэна.

— Ай, как горячо!

Рука Чжан Дало едва коснулась тела Чжэн Фэна, как он тут же отдернул ее.

— Странно, сегодня утром он ведь был абсолютно здоров, с чего это у него вдруг поднялся такой жар? Надо срочно искать лекаря!

Хоть голосом Чжан Дало и обладал зычным, умом он не обделил. Понимая, что лекарь вряд ли послушает какого-то сорванца, он побежал к дому Юнь Ма, что стоял ближе всех к хижине Чжэн Фэна. К счастью, Юнь Ма и Дядя Юнь уже вернулись, и Чжан Дало, не говоря ни слова, принялся торопить их идти за ним.

Увидев состояние Чжэн Фэна, оба тоже испугались до смерти. Юнь Ма принялась раздевать мальчика догола и обтирать полотенцем, смоченным в холодной воде, чтобы сбить жар, а Дядя Юнь бросился во весь опор за лекарем. Спустя время, за которое едва ли успела завариться чашка чая, пухловатый лекарь с утонченными чертами лица, прихватив маленькую медицинскую шкатулку, прибежал вслед за Дядей Юнем.

К тому моменту в комнате уже яблоку негде было упасть: собрались все соседи Чжэн Фэна, старики, видевшие, как он рос, и такие товарищи по играм, как Чжан Дало. Завидев лекаря, люди поспешно расступились, в напряжении ожидая результатов осмотра.

Стоило врачу коснуться запястья Чжэн Фэна, как его брови сошлись на переносице. Тело ребенка пыкало жаром — температура кожи уже обжигала пальцы, чего уж говорить о внутреннем жаре. Обычный человек в таком положении за пару мгновений лишился бы рассудка и отдал Богу душу, но поговаривали, что мальчик хворает так уже давно... Странно, как странно!

Лекарь молча закрыл глаза и сосредоточился на пульсе. Стоило ему вслушаться, как брови нахмурились еще сильнее. Про себя он подумал: «У этого ребенка сильнейший жар, но пульс не только не ослаблен, а наоборот, куда более ровный, сильный и отчетливый, чем у обычных людей. Почему? Как такое возможно? Разве это человек?»

Ломая голову, лекарь так и не смог найти разгадки, а потому списал всё на неизлечимую и диковинную болезнь.

— Он ел или пил что-нибудь перед этим? — спросил врач.

Юнь Ма ответила:

— Другие дети сказывали, будто сегодня утром он выпил Эликсир Пробуждения. Уж не побочный ли это эффект?

— Да нет же, не должно быть. Эликсир Пробуждения изобрели почти сто лет назад, и до сих

пор слыхивали лишь о том, что он может не подействовать, но подобных проявлений отродясь не случалось.

Услышав это, Юнь Ма испуганно воскликнула:

— Умоляю, спасите его, господин лекарь! Этот мальчик с детства рос крепким и закаленным. У других грудные дети при любой смене погоды то и дело простужаются, а он перебивался с хлеба на воду, но за всю жизнь ни разу не болел. Кто же знал, что свалится с таким тяжелым недугом!

Тут она не выдержала, и по ее щекам покатались слезы.

— Не спешите вы так. Хоть мне и неведома причина недуга, но его непрекращающийся жар явно не предвещает ничего хорошего. Сейчас самое главное — сбить температуру. Набилось столько народу, что дышать нечем. Вынесите-ка его на улицу, там просторнее, да и полегче будет.

Все бережно вынесли Чжэн Фэна наружу. Солнце уже село, сумерки сгущались, и легкий ветерок приятно освежал лица, хотя от него все еще веяло прохладой.

Лекарь добавил:

— Раздевайте его догола, да принесите еще пару кувшинов крепкого вина.

— Ох, господин лекарь, на улице такой холод, разве можно снимать с него одежду? — испуганно запротестовала Юнь Ма.

— Эх, бабьи рассуждения! Тело мальчика сейчас горячее вулкана, внутри скопился и застрял злой жар, которому некуда выйти. Разве этот легкий холодок идет с ним в сравнение? Если хотите спасти ему жизнь, немедленно делайте, как я велю!

Окружающие и так растерялись, а услышав, что на кону стоит жизнь, тут же беспрекословно повиновались. Они сорвали с Чжэн Фэна всю одежду, обнажив его точеное тело. В этот момент как раз вернулся посланный за вином человек. Лекарь, не колеблясь ни секунды, взял один из кувшинов, сорвал печать с горлышка и скомандовал:

— Поднимите его!

Двое из толпы шагнули вперед и подхватили Чжэн Фэна под руки с обеих сторон. Увидев это, лекарь опрокинул кувшин прямо на макушку мальчику. Обжигающе-хмельная влага мгновенно омыла всё тело Цяо Ху и тут же без следа испарилась. Несколько капель брызнуло на руки тем двоим, что поддерживали Чжэн Фэна, и от дуновения ветерка тех пробрало до костей — оба невольно задрожали.

Стоило каплям вина попасть на кожу, как повеяло таким холодом; можно было лишь догадываться, каково пришлось самому Чжэн Фэну, просквозившемуся вином насквозь. Оба синхронно глянули на мальчика и увидели, что он по-прежнему оставался напряжен до

предела и не подавал ни малейших признаков жизни.

Переглянувшись, они прочитали в глазах друг друга затаенный ужас.

Заметив, что от одного кувшина состояние Чжэн Фэна ни капли не изменилось, лекарь тут же окатил его вторым. По его расчетам, две порции вина должны были забрать по меньшей мере половину внутреннего жара. Он протянул руку и потрогал лоб мальчика: тот по-прежнему пылал, как уголь в печи. Теперь даже сам лекарь засомневался в собственных силах.

Лей ли третий кувшин или не лей?

<http://bllate.org/book/19475/1909386>